

Елена Поцелуева

Д
е
т
и
в
о
й
н
ы

16+

Елена Поцелуева

Дети войны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63583652

SelfPub; 2020

Аннотация

Что может быть страшнее войны, когда гибнут самые близкие люди и тебе приходится выживать, а жизнь ставит тебя в условия проверки на прочность и готовит новые испытания для твоей души. Страшно? А если ты ребенок?

Содержание

Часть 1	4
Часть 2	12
Часть 3	20

Елена Поцелуева

Дети войны

Часть 1

Бабочки

Брянщина. Зловещие, суровые брянские леса. Евсей знал их, как свои пять пальцев и, будучи проводником в партизанском отряде товарища Парфенова, не имел права на ошибку. Он бороздил их снова и снова, освежая в памяти пути, тропинки, землянки, служившие красноармейцам укрытием и чуя след дикого зверя, обходил стороной его логово. Знатный охотник, Евсей, всегда был на хорошем счету у партизан. Он и добычу выследить сможет и подстрелить аккуратно, не спугнув, и приготовить мастерски в походных условиях, не привлекая внимания ни зверя, ни фашистов, снующих повсюду. Вечерами у костра, поглаживая свою окладистую бороду, Евсей любил рассказывать разные истории, приключившиеся с ним во время охоты. Бойцы от смеха катались по земле, Евсей был доволен, говорил, что боевой дух поднять – это самое главное, а чем еще, как ни отменной едой и веселой байкой.

Ранним утром, когда раскаленное зимними морозами

солнце только-только поднималось из-за горизонта. Евсей выбрался из партизанского укрытия разведать предстоящий путь до близлежащей деревни с нашими, куда направлялся отряд Парфенова. Проходя километр за километром, Евсей осматривался, оглядывался, примечал. Устроив привал, он растянулся на сломанном ельнике, и тут шелохнулась ветка, одна, другая, третья. Евсей прижался к земле насколько это было возможно мужчине его комплекции и замер. Тихо-тихо отодвинулся камень, закрывавший вход в пещеру, заваленную ельником. Оттуда осторожно протискиваясь, выскользнул мальчонка лет 11, щуплый в огромном картузе с красной звездой. Не слышно ступая на ветки ельника, он также тихо задвинул камень обратно, потянулся, проморгался с не привычки на свету, подбоченился и застыл. Его рука потянулась к поясу, где висел наточенный и бликовавший на солнце топор – он увидел глаза Евсея, следившими за ним. Евсей, поняв, что его раскрыли, широко улыбнулся и вышел из своего укрытия.

– Привет, малец, – сказал он, протягивая мальчонке большую теплую ладонь.

– Здравсте, дяденька, – мальчишка пожал его руку.

– Ты как здесь оказался-то?

– Прячемся.

– Понятно. Лучше места не нашли?

– А где еще? Деревню немцы спалили вместе со всеми нашими. Нам с сестрой повезло: в лесу были. Вернулись – толь-

ко щепки остались. Вот и пришлось вглубь уйти, а как понял, что заплутали, обосновались здесь. Спасибо, вот эту пещеру нашли, замаскировал, как смог. А вы дяденька кто?

– Я, малец, партизан, Евсеем кличут.

– А тебя?

– Митькой.

– Что пойдем в отряд тебя отведу, там-то получше будет.

Собирайся. Завтра переправим с отрядом к нашим в деревню. Там и обоснуетесь, пристроим вас к кому-нибудь.

Митька метнулся обратно к пещере, стал отодвигать камень, как оттуда послышался слабый писк. Он оглянулся на Евсея.

– Маруся проснулась Сестренка. Она маленькая совсем.

Выйдя на свет, девочка лет трех, огляделась. И увидев незнакомца, спряталась за Митьку.

– Не бойся, глупенькая. Теперь все хорошо будет, – ободрил ее Митька.

Евсей же, пытаясь как-то расположить малявочку к себе, достал из заплечной котомки, скукоженное от холода малюсенькое яблоко, и, протягивая девочке, ласково приговаривал:

– Бери-бери, крошечка.

Девочка опасливо посмотрела на Евсея, потом перевела взгляд на Митьку.

– Я бабочек хочу.

Митька дернул ее за рукав:

– Бери, глупая, ешь, – ругнулся Митька.

Она упрямылась.

– Нет, я бабочек хочу, – капризничала девочка. потирая сонные глазенки.

Евсей задумался, рассматривая детей, и заметил, что они не были истощены. Малышка достаточно упитана, да и на мальчике не была заметно следов голода. Голодные хватают все, что предложат. А тут! Посмотри, какая цаца! Яблоко, да еще зимой. А она про каких -то бабочек лопочет. Может это от страха, успокаивал себя Евсей. Ребенок, что с нее взять.

– Ну, давайте, собирайтесь-ка живее. Замерзнете, – и он направился в пещеру, чтобы помочь детям собраться.

– Не надо, я сам, – перегородил дорогу Евсею Митька.

– Э-э, малец. В чем дело? Уж не прячешь ли ты там фашистов? – хмуро пошутил Евсей.

Митька, испугавшись, отступил.

– Да, ладно не бойся, шучу. Давай помогу, так-то ведь все быстрее будет. Что там у вас? – и Евсей шагнул в пещеру.

Теплым, спертым запахом пахнуло на него, в пещере было темно. Не мудрено, что Митька постоянно щурился на свету: привыкнуть никак не мог.

– Сколько вы здесь? – спросил он осматриваясь.

– С лета, – спокойно ответил Митька.

– С лета? Да, как вы выжили-то? Ели что? – удивился бывалый охотник.

– Бабочек, – опять пробормотала девочка.

Евей пристально посмотрел на нее, на Митьку.

– Каких еще бабочек? О чем это она? – разозлился Евсей, досадуя, что не понимает, о чем идет речь.

– Да, не берите в голову, дяденька. Мелкая еще. Болтает что-то.

Пройдя вглубь пещеры, Евсей рассмотрел кучу ельника внутри с наваленной на нее ветошью. Очевидно, она служила им постелью. Из-за кучи выполз малыш. Он еще плохо ходил.

– О, а это что за явление? Ваш? – спросил Евсей, указывая пальцем на мальчика.

– Да, да, – быстро ответил Митька, собирая пожитки.

– Это Митька нашел его, – девочка кивнула на ребенка. А как зовут его не знаем. Он плохо говорит.

– Как нашел? Где? – удивился Евсей.

– Расстреляли тут по осени обоз, – нехотя начал Митька, косясь на сестру, – а там люди, дети. Я пропитание искал, а тут вот. Все на смерть. Разбомбили. На куски все разорваны. Кто мертвый, кто полуживой, у кого ног нет, у кого все внутренности наружу. А этот вот пищит, лежит под мамкой, живой. Я оттащил ее, мертвая она. А его куда? Жалко мальчика, взял с собой. Вот с нами и живет. Васькой назвали.

Пухлый малец, переваливаясь, подошел к Митьке и стал теревить его за штанину.

– Есть хочет, – прокомментировала Маруська.

– Да, да, – оборвал ее брат, – пойдёмте быстрее, нас на-

кормят. Ведь накормят, да? – и, обернувшись, он посмотрел на Евсея.

– Конечно. Пойдемте. Не бросать же вас здесь, – и он погладил Марусю по голове.

– Накормят. Накормят, – запрыгала та и захлопала в ладоши. – Ба-боч-ка-ми!

– Да, черт, – не выдержав, заревел Евсей. – Какими еще бабочками?

– Вот такими, – и Маруся протянула ему что-то, что все время теребила своими детскими ручками. В темноте Евсей не сразу разглядел. Поднеся ближе к лицу, он с ужасом отдернул руку. На его ладони лежали кости человеческой кисти. Внутри все похолодело. Отшвырнув охапку ельника, единственное, что было в пещере, он обнаружил под ней целую грудку костей от таких «бабочек». Глаза его налились кровью, схватив Митьку за шиворот, он выволок его из пещеры и бросил на промерзшую землю.

– Не убивайте, дяденька, – взмолился Митька. Я бы никогда, никогда.

Евсей тряс его, как грушу, пытаясь вытрясти ответ. Из пещеры выбежала Маруся и вцепилась в брата:

– Пусти его. Пусти он хороший, пусти Митьку.

Евсей остановился, поднял и поставил мальчика на землю. Тот, шатаясь, стал сбивчиво говорить:

– Они уже все мертвые были, я вам рассказывал, обоз, – сглотнув комок, застрявший в горле, начал Митька. По осе-

ни. Немцы разбомбили. А там людей много. Все мертвые. Руки, ноги оторваны, валяются везде. Мы с Маруськой летом-то ягоды искали, грибы какие, корешки. Когда силки поставлю, птаху поймаю или рогаткой собью. А тут осень навалилась, лютая. Помните? Разом все пропало, померзло. Не найти ничего. Малая совсем сникла. Чувствую, плохо дело. Пять дней не евши были. По утру пошел найти чего, а тут вот. Обоз. Обыскал все – припасов нет. Видно быстро уходили. Только бутылки с водой нашел, котелок, спички, тряпье всякое, да вот топор этот, Митька поправил его на поясе. Да еще малой с обоза живой остался. Взял его, стали возвращаться, споткнулся об руку оторванную. Ну и все: схватил, прибежал сюда костер развел, сварил. Плачу и ем, а им сказал, что бабочки, все равно не видели никогда. – Он посмотрел на сестру, – Поела она, в себя пришла, повеселела. А я стал ходить туда. Отрубал, что донести смогу: руки, ноги. Стал кормить их, а чтоб не пропали «бабочки» нашел самый дальний угол в пещере, холодный и закопал туда. Так и дотянули. Хорошо, что встретил Вас, а то уже запасы закончились, вчера последнее доели. Если б не они, я бы лучше с голоду помер, честное слово, – Митька рыдал, упав на колени, и в раскаянии бился головой о ледяную землю. Подняв на Евсея заплаканные глаза, Митька закусил губу: Кто кроме меня позаботился бы о них? Вы не думайте, дяденька, я их всех похоронил. Топором землю рубил, руками копал, а похоронил всех.

Евсей молча слушал, глядя остекленевшими глазами на Митьку.

– Почему бабочки? – наконец, очнувшись, спросил он.

– Похожи кисти рук-то на крылья бабочек особенно на твои. Мы когда еще дома жили, тятка часто нам театр теней устраивал, – и Митька скрестил кисти рук, соединив большие пальцы, а всеми остальными, производил движения напоминающие трепетание крыльев бабочки. Евсей отшатнулся.

Приведя детей в отряд, Евсей рассказал, что нашел мальцов у ельника, прятались от фрицев, сказал накормить. Митька, откусывая от ломтя пышного хлеба, глядел на Евсея. Тот, приложив указательный палец к губам, дал понять ему, что не собирается ни о чем рассказывать. Наевшись, дети сладко засопели, прижавшись друг к другу. Только сквозь сон Маруся всё лепетала «бабочки, бабочки». Бойцы улыбались, радуясь, что ребенку снится не война. Евсей так и не смог заснуть, его охватил леденящий ужас: он смотрел на маленькую осиротевшую людоедку и представлял, как она обгладывает косточки «бабочек».

После этого случая, Евсей перестал рассказывать байки у костра.

Часть 2

Красная шапочка

Не пощадила война никого. Семья Лиды пострадала, как и многие другие. Она осталась одна. Всех погубили, порубили, фашисты: и мамку, и отца и маленького брата. На память о них осталась у Лиды красная вязаная беретка, которую связала ей мать ко дню рождения. Берегла ее Лидка, как зеницу ока, не снимала даже во сне – дорожила подарком. В этой маленькой вязанной шапчонке еще пронизанной запахом мамы, она искала единственное успокоение, когда уж совсем невольно становилось. Приютила ее жена мамкиного брата, Агафья. Нет, не обижали Лиду, да только мамку-то никто не заменит. Лида полезной хотела быть и как могла помогала тетке Агафье по хозяйству управляться, сидеть с ее ребятишками, коз пасти, носить в соседнюю деревню скудные припасы собранные Агафьей для старой бабки. Натянув ярко-красную беретку, она бесстрашно шла и в дождь и в холод по размытой дороге через лес, чтобы накормить немощную старуху. Бредя как-то по проселочным окраинам, она наткнулась на фрица, засевшего в кусте колючего терновника. Тот, увидев девочку, вышел из засады и что-то громко рывкнув на своем собачьем языке, ткнул ей в грудь винтовку. Лида остановилась, подняв на него большие испуганные

глаза.

– Кхуда идиешь?– рыкнул он на ломаном русском.

– К бабушке – чуть дыша ответила девочка.

– Паакасыфай, што в карсинкхе? – прошипел фриц.

Лида приподняла край салфетки, накрывавшей снесь.

Немец поковырялся там, и найдя пару луковец, бутыль с водой и черствую краюху, отпустил девочку – позариться-то не на что.

– Иди, крафснайа щяпачкха – кое-как выговорил он и подтолкнул девочку вперед. Еле передвигаясь от страха и оцепенения, Лида медленно, потом все быстрее и быстрее пошла прочь.

На этой единственной дороге, соединявшей две деревни, немцы поставили патруль, в надежде отыскать партизан, прятавшихся в окрестностях. Лида стала постоянно натываться на фашистких часовых, перебираясь между деревнями. Через пару месяцев все они знали ее и, завидя из далека, приветливо кричали:

– А, Крафснайа щяпочкха.

Несколько раз обыскав корзинку со скудными припасами, они больше не осматривали ее. И позариться было не на что, и ничего опасного там не было. Лида перестала бояться ходить из деревни в деревню и даже стала насвистывать «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин». Заслыша веселый пересвист, немцы опускали оружие, а она при встрече с ними делала неловкий реверанс. Бойкая девчонка больше

не вызывала подозрений.

Придя из такого рейда, Лида присела около печи отдохнуть и обогреться. Тетка Агафья накормила кроху и, наклонившись ближе, прошептала:

– Послушай, вернулся дядя Саша. Нужна твоя помощь.

– Дядя Саша? Но он же... – только и успела вымолвить

Лида, как тетка зажала ей рот рукой.

– Да тихо, тихо, – зашипела она, оглядываясь вокруг. Из глубины избы доносилось только мирное сопение детей. – Он здесь.

Дядя Саша, муж Агафьи и родной брат Лидиной матери, был партизаном и сейчас, остановился у жены по заданию командования. Выйдя навстречу, он протянул руку племяннице:

– Ну, здравствуй, Лида! Какая большая вымахала. Помню тебя совсем малюткой, когда приезжал к сестре, – он горестно вздохнул.

Лида смотрела на дядю затаив дыхание. Она много слышала о партизанах и знала, что дядя Саша принимает участие в партизанском движении. Но вот чтобы так вживую встретиться с партизаном! Дядька мгновенно вырос в ее глазах, и она готова была выполнить любую его просьбу.

Лида бросилась на него, обняла за пояс и зарыдала, уткнувшись в колючий свитер.

– Успокойся, золотко, успокойся. Мы перебьем этих гадов, всех до единого, – процедил дядька сквозь зубы.

Лида подняла на него заплаканные глаза, и по невозмутимому лицу и крепко сжатым кулакам поняла, что дядька не шутит.

– Ты поможешь мне? – глядя прямо в глаза Лиде спросил он.

– Как?– Лида замерла.

– Это серьезный разговор. Отложим до завтра, – Саша погладил племянницу по голове, – грейся и ложись. Тебе нужно выспаться.

Лида спала крепко, чувствуя в доме реальную защиту и впервые за долгое время не боялась.

Проснувшись, она подскочила с постели и обнаружив дядю, устремила вопрошающий взгляд на Агафью. Та только прижала палец к губам и тихонько провела ее в баню. Там за столом сидел он, дядя Саша. Увидав племянницу, поманил к себе пальцем, а когда та бросилась в его объятия, весело потрепал по щеке.

– Доброе утро, соня. Как спалось? – ласково теребя ее за ушко, спросил он.

– Отлично,– выпалила Лида. К выполнению задания готова!.

– Ну, ну, остынь. Садись-ка сюда, – и усадив ее напротив себя он наклонился к ней и стал шептать.

– Ты уже взрослая. Как никак одиннадцать в следующем месяце стукнет. О чем будем говорить – никому. Секретная информация, поняла?

Лидка кивнула.

– Так вот, – продолжил дядька. По разведанным, завтра немцы собираются напасть на деревню.

Лидка выпучила глаза:

– Как так? Не нападали. Не нападали. А тут на тебе, – возмутилась она.

– Да, за это время мы, партизаны много кровушки им попили: громим обозы с продовольствием, растяжки, мины ставим. Надоело им это, хотят изловить нас всех, знают что мы из этой деревни. Хотят и женщин и детей запытать, чтоб выведать где мы прячемся. Сама понимаешь, чем все закончится.

– Расправой, – злобно сверкнул глазами ответила Лидка.

– Помощь твоя нужна.

Лида подняла на него глаза:

– Я на все готова, дядь Саш. Командуй.

В деревне, куда ты носишь матери Агафьи еду, есть еще один наш отряд, прячутся они у егеря Митяя, там легко его найти. Мы хотим к вечеру, когда немцы посты меняют, в атаку пойти, они с одного конца, мы – с другого. В кольцо их взять и расстрелять гадов. Только вот беда. У того отряда боеприпасов не осталось. Агафья говорила, немцы тебя не проверяют, так пропускают.

Лида кивнула.

– Так вот в этот раз понесешь в корзине патроны, гранаты. Найдешь в деревне Митяя, скажешь, что от меня, передашь.

А дальше дело за нами. Вс поняла?

Лида снова кивнула.

– Ну, все, иди позавтракай теперь, Агафья уж накрыла.

Лида проглотила завтрак, не заметив что она съела, мысли были заняты предстоящим походом.

Тетка Агафья, дядя Саша и все мальцы вышли провожать Лиду в сени. Расцеловавшись с родными, Лида взяла огромную корзинку, накрытую холщовой салфеткой, которая ждала на столе. Лида знала, что в ней и от этого руки ее тряслись: скорее бы разгромить фашистов, лишивших ее семьи, детства, счастья. "Ого, какая тяжесть!" Лида знала, что там лежат не патроны и гранаты, а спасение людей из окрестных деревень и поэтому несла бесценную ношу, не сгибаясь, чтобы не вызвать подозрений. Пот градом струился из-од красной беретки, а она посвистывала "Ах мой милый Августин, Августин, Августин..."

Пройдя половину пути, ее окликнул фриц

–ЭЙ, крафснайа щяпачкха, стой.

Лида остановилась.

– ЧАво несешшь?

– Пирожки, стараясь быть задорной, – ответила Лида.

– оо, этфо кхарачшо. Пойдем. Эти партифзаны опять разгромили обоз. Ничего ест не стало. Запасы кончитца.

Лида задрожала всем телом. Что же делать теперь. Они же увидят. Убьют ее. План дяди Саши провалится. Деревни расстреляют, как и ее деревню. Обреченно плетясь за фри-

цом, Лица напряженно искала решение. Оно не приходило.

Зайдя в избу, куда привел ее фашист, она увидела собравшихся там немцев.

– О, кафо ты привел? Это же красная шапочка. Проходи, деточка, расскажи куда ты идешь? – тьяekali немцы, сидя на расставленных вдоль стен табуретах и лавках.

– К бабушке, следуя сказке, – испуганно произнесла Лида.

– А, что у тебя в корзинке? – подыгрывали фашисты.

– Пирожки, – дрожа от напускного задора отшучивалась Лида. – Дяденьки, сколько вас много. Вы все хотите угоститься пирожками? – вовлекая фрицов в свою игру, начала Лида.

– О, да. А на всех хватит? – наперебой кричали немцы.

– Зовите всех! Я посчитаю, чтобы всем досталось, чтоб никому не было обидно, – улыбаясь, гответила Лида, ставя корзинку на пол.

Немцы поддержали ее игру и созвали всех фашистов. Те обступили девочку и начали тянуть руки к корзинке.

– Нет, я сама всех вас накормлю.– Лида жестом отстранила оголодавших мужчин от себя и своей ноши. – Кто первый? – задорно спросила она.

Вперед вышел тот самый фриц, что привел ее сюда:

– Йа, я, – заулыбался он, протягивая руку.

– Хорошо, держи, выпалила Лида, – вложив ему в руку лимонку, крепко сжимая в своей ладони чеку.

Раскрыв ладонь, немец попятился назад. Взрыв.

Саша ходил по избе и ругал Лиду:

– Где эта девчонка? Ну, где она ходит, дошла не дошла, – волновался он. – Что с ней, донесла она боеприпасы? Идти нам в наступление, нет? – рычал он.

– Саш, есть другой выход? – оторвавшись от готовки, и раздосадованная занудным бормотанием мужа, спросила Агафья. – Если ты не пойдешь, придут фрицы и перебьют всех, – она рукой вытерла пот со лба.

К вечеру так и не дождавшись Лиды, отряд дяди Саши пошел на штурм, надеясь на чудо. И чудо случилось. Подойдя ближе, бойцы увидели, разверетенное логово фашистов. Обходя его, Саша натыкался на фашистские погоны, обрывки шинелей, сапог, пока не нашел маленький красный клочок вязаной беретки, в которой ходила его племянница. Поняв, что произошло, он прижал его к губам и заплакал.

Часть 3

Мадонна

Убегая от немцев по заснеженным копиям, Анна с тремя детьми наткнулась на заброшенную церквушку. Вбежав внутрь, они с размаху провалились в подпол. Сверху завалило досками и строительным мусором рухнувшей части потолка, просевшей от нависшего снега. Просвета не было: ни Анна не видела, что происходит наверху, ни сверху не могли видеть, что внизу. Через некоторое время в церквушку зашли немцы. Фашисты решили отогреться здесь. Доносилось рыканье и гогот немецких солдат. Дым разведенного костра сочился сквозь доски пола. Топот сапог чеканил пол и разносился эхом по закоулкам церкви. Анна с детьми забились в дальний угол, подальше от непрощенных гостей, наткнувшись на иконы, спрятанные церковными служками от вандалов. Образы святых, расставленные вдоль стен, печально смотрели на уставших путников. Анна не была против такой компании, хотя и не верила в Бога. Двое старших детей крепко прижались к матери, спрятавшись под ее тулуп. Он не раз согревал их от трескучих морозов, не давая замерзнуть и умереть. Укутанный в пуховый платок, мирно посапывал на руках у матери младший сынишка, Степка. Четырехмесячный малыш, мучаясь животиком, если не спал, то

все время кричал. Сидя в полумраке, пропахшем ладаном и миррой, Анна с ужасом прислушивалась к происходящему наверху. Похоже, немцы собирались остаться здесь надолго. Двум старшим, Танюшке и Славику, мать жестом наказала сидеть тихо. Дети все поняли – не в первой. Но вот что делать со Степкой? Пока, пригревшись на материнской груди, он спал. Проспит, по подсчетам Анны, еще часа два. А потом? Малейший писк выдаст их. Немцы разгребут завал и расстреляют, в лучшем случае, в худшем – концлагерь или пытки, но все равно смерть. Думая об этом, Анна все сильнее обнимала детей, заранее прощаясь с ними. Чувствуя тревогу матери, они затаились, боясь пошевелиться. Анна судорожно перебирала в голове варианты развития событий. Их было два: дожидаться пока проснется Степка и выдаст их или... убить одного, чтобы спасти остальных. О, Боже, – Анна закрыла рот рукой, как-будто сказала это вслух. Удушить во сне маленького Степку, чтобы он, проснувшись, не выдал их плачем. Тогда спасутся Танюшка и Славик, и сама Анна. Слезы полились тягучими ручьями, застывая на обледенелых щеках. Эту мысль Анна гнала прочь всеми силами души, но та настойчивее и настойчивее въедалась в ее сознание.

Женщина чувствовала дыхание младенца на своей груди, чувствовала биение его сердца и своего, бешено колотившегося. Сможет ли она удушить собственное дитя, чтобы спасти двух других? Анна посмотрела на старших, облепивших ее с двух сторон и прижавшихся так тесно, как-будто они

старались стать с ней одним целым. Им было страшно. Анна не могла сделать выбор. Блуждая потухшим взглядом по обшарпанным стенам подвала, она увидела икону Богоматери, на руках которой тоже спал младенец. Женщина впиалась в икону глазами и стала молиться. Впервые, неумело, сбивчиво, почти про себя. Она вспоминала хорошее и благодарила, прощала плохое и просила только об одном: жизнь, жизнь ее детям. Всем. Без исключения. Степка заворочался, Анна достала грудь и дала младенцу. Тот, почуяв запах материнского молока, жадно впился. Анна плавно покачивала его, пока малыш не заснул снова. Громкие разговоры и лающий смех фрицев разбудили младенца. Степка закричал, заворочался и пронзительно запищал. Анна закрыла глаза.

Взрывы, гул самолетов, перестрелка. Плач Степки никто не услышал. Прошел примерно час, пока Анна не услышала над головой родную речь. «Наши», – мелькнуло у Анны в голове, «Спасены». Узники подземелья кричали, звали на помощь. За kloкочущими двигателями улетающих самолетов их не слышали. Выбраться самостоятельно Анне было не под силу. «Прятались, прятались, а теперь найтись не можем» – бормотала Анна. «Что же делать?» Пока она думала, как привлечь внимание, гул прекратился и Степка, издал такой пронзительный писк, что уши заложило. Красноармейцы услышав его, разгребли завал и достали Анну с детьми из-под обломков церкви.

– Вот это находка! Прямо клад! – смеялись бойцы. Ну,

что все? – подмигивая Анне, спросил бойкий парнишка.

– Нет, – прошептала она. – Там еще ... Мать с младенцем – у Анны перехватило дыхание.

Солдаты полезли вниз, но, обшарив все закоулки, вернулись ни с чем:

– Видно почудилось Вам от страха-то. Никого нет больше, – недовольно возмущались бойцы.

– Нет, есть. Икона. Мадонна с младенцем. Если б ни она, – закрывшись пологом тулупа, заплакала Анна, крепко прижимая к себе детей.

– Ах, вот оно что! Сейчас спасем, – понимающе, ответил командир, многозначительно поглядев на Анну. Вытащив на свет "всех святых" и погрузив на телегу, отряд тронулся в путь. Рядом примостилась и Анна с детьми. Трясаясь по ухабистой дороге, женщина обнимала измученных спящих детей и без устали благодарила:

– Спасительница, матушка, благослови, – шептала она, заливая икону слезами. – Если б не ты... Если б не ты...